

Глава 20. Цинхань сокрушает Наньфэна (Часть 2)

Ночь подошла к концу. Ин Сыиню редко удавалось выспаться так спокойно, но когда он открыл глаза, яркий свет, хлынувший в окно, резанул по глазам острой болью. Он едва успел прикрыть лицо рукой, как заметил Шэнь Цинханя. Тот послушно приткнулся к его груди; он плотно зажмурился, а на ресницах дрожали слезы. Выглядел юноша в этот миг до боли хрупким и прекрасным.

— Цинхань... — голос Мо Наньфэна, доносившийся с пола, охрип настолько, что слова едва можно было разобрать.

Шэнь Цинхань шевельнулся, чуть приподнял голову, но, не решаясь на большее, лишь робко отвернулся, поджав колени.

— Ты... просто выбрось его из Поместья хоу, — глухо бросил он, не глядя на Ин Сыиня.

— Даже не хочешь напоследок взглянуть?

— Не хочу.

— Что ж... — Ин Сыинь был в превосходном расположении духа, а потому не стал придираться.

Запечатлев мимолетный поцелуй на макушке юноши, он поднялся. Вошли служанки: умыли господина, помогли облачиться в свежие одежды. Хоу небрежно встряхнул широкими рукавами, оправил подол и сделал первое, что намеревался: подошел к Мо Наньфэну и тяжело наступил ему сапогом на грудь.

— Кха... кха... — Мо Наньфэн зашелся сухим кашлем.

Ему было плевать, что делает с ним этот человек. Весь его мир сузился до краев кровати, скрытой алым пологом. Он не отрывал взгляда, полного невыносимой муки, от этой завесы.

— Цин... Цинхань, прости... Я не смог тебя защитить.

Шэнь Цинхань часто задыхался. Сердце вдруг полоснуло такой острой болью, словно в него по самую рукоять вогнали нож. Кровь невидимым потоком заливала нутро, но он лишь крепче стиснул зубы. Он не смел издать ни звука. Слишком слаб, слишком ничтожен перед властью Хоу Сяовэня. Чтобы сохранить Наньфэну жизнь, он обязан был молчать. Цинхань слишком хорошо знал, сколь причудлив и опасен нрав этого человека.

Сегодня Ин Сыинь балует его и ласкает, но стоит ветру перемениться — и никто не сможет удержать его гнев. Какова цена этой любви? Как только новизна примелькается, он, Шэнь

Цинхань, станет не более чем вещью, которую выбрасывают за ненадобностью.

— Шэнь Цинхань, ответь ему, — улыбнулся Ин Сыинь.

Его голос звучал пугающе ровно, лишенный и капли тепла. Он не давил на грудь соперника слишком сильно — он просто наслаждался моментом, смакуя триумф победителя. Под телом Мо Наньфэна уже расплылось пятно запекшейся, темной крови.

За полупрозрачной дымкой алого шелка колыхнулась тень. Юноша медленно сел, оставаясь спиной к ним. Рассыпавшиеся по плечам черные пряди подчеркивали изящество его тонкого силуэта — одного этого образа хватило бы, чтобы лишить любого покоя.

Наконец Цинхань слегка повернул голову. Стараясь подражать ледяному тону хозяина поместья, он произнес бесстрастно:

— Это мой собственный выбор. За что ты извиняешься?

— Шэнь Цинхань, раз уж ты проснулся, одевайся и выходи, — бросил Ин Сыинь.

Служанки мигом подкатили кресло, и господин вальяжно в него опустился.

Цинхань понял: больше прятаться не выйдет. Он взглянул на свои руки, на следы, оставленные бурной ночью, и эти багровые отметины жгли его сильнее, чем удары плети. Он вздрогнул. Словно очнувшись от тяжелого забытья, он протянул руку из-за полога. Служанка тут же подала одежду.

— Поднимите занавес, — тихо велел он.

— Слушаюсь, молодой господин.

Скрываться не было смысла. Все, что должно было произойти, случилось на глазах у Мо Наньфэна. Цинхань решил, что лучше встретить это лицом к лицу: пусть несчастный шисюн увидит правду, возненавидит его и, наконец, откажется от своей безнадежной затеи. Только так его можно было спасти.

Шэнь Цинхань сел на край кровати. Но стоило его ногам зависнуть над полом, как раздался окрик Ин Сыиня:

— Пол холодный.

Цинхань замер. У него была привычка ходить босиком — она осталась еще с тех лет, что он

провел в горах Куньлунь. Мальчишкой он обожал поспать подольше, и чтобы окончательно проснуться перед утренней тренировкой на мечях, он вставал на ледяные камни. Холод Куньлуня пробирал до костей, и этот резкий укол в ступни заставлял разум проясниться.

При мысли о ногах в памяти всплыли обрывки чужих слов:

«Цинхань, ты же совсем застудился...»

«Цинхань, давай я каждый вечер буду греть тебе воду для ног...»

«Моя родина в Северной пустыне, там зимы такие же лютые, как здесь. Матушка всегда говорила: если ноги в тепле, никакая хворь не возьмет...»

«Не смей больше босиком вскакивать! Я лучше сам буду приходить к тебе по утрам и щипать за щеки, пока не проснешься...»

«Смотри, я купил целебную мазь, она мигом залечит твои трещины...»

Мо Наньфэн из его воспоминаний всегда был таким — искренним, заботливым, готовым на любую мелочь ради него.

«Может, и впрямь пора все оборвать? — подумал Цинхань. — Теперь я окончательно перестал быть тем, кого он заслуживает».

От резкого окрика Ин Сыиня ноги юноши так и остались висеть в воздухе. Служанка поспешно поставила туфли рядом, но коснуться его не посмела. Причуды Хоу Сяовэня были слишком опасны: сейчас Цинхань в фаворе, и любая случайная ласка со стороны прислуги могла стоить головы.

— Надень обувь и сиди там, — приказал Ин Сыинь.

Цинхань шевельнул пальцами ног, но он плотно сжал губы. Что он мог сказать? «Отпусти его, позволь ему уйти домой»? Ин Сыинь тут же спросит: «Почему? Жалко его? Сердце болит за старого любовника?»

В комнате воцарилась тяжелая тишина.

— Цинхань, тебе совсем нечего сказать своему другу?

Юноша отвернулся:

— Нет.

— А ты? — Ин Сыинь опустил взгляд на Мо Наньфэна. — Ты тоже будешь молчать?

Но тот, казалось, не слышал Хоу. Он не сводил глаз с Шэнь Цинханя с того самого момента, как тот заговорил. Ин Сыинь усмехнулся и небрежным жестом распустил узел на веревке.

— Говорите сейчас, если есть что. Другого шанса не будет. Это прощание навсегда.

— Цинхань... — Мо Наньфэн попытался приподняться, но его ноги, связанные всю ночь, онемели. Удар Ин Сыиня повредил внутренности, и любое движение отдавалось в теле невыносимой, раздирающей болью.

Он страдал, а Цинхань даже не поднимал глаз. Демонстрировать привязанность перед Ин Сыинем означало подписать Наньфэну смертный приговор. Юноша уже научился читать повадки этого человека: пока тот улыбается, опасность максимальна.

Мо Наньфэн, преодолевая боль, подполз ближе, оставляя на полу кровавый след. Он протянул дрожащую руку, но замер, когда его окровавленные пальцы почти коснулись туфель Цинханя.

— Цинхань... Ты всегда терпеть не мог, когда пачкают твою одежду или обувь, — он горько усмехнулся. — Я очень хочу обнять тебя, но... я сейчас слишком грязный.

— Шэнь Цинхань, отвечай ему... — голос Ин Сыиня стал еще ниже, приобретая тот самый опасный, вкрадчивый оттенок.

— Уходи, — выдавил Цинхань сквозь зубы.

— Цинхань...

— Уходи, если не хочешь сдохнуть здесь!

— Я не боюсь смерти.

— Зато я хочу жить! — Цинхань вскинулся, но тут же отвел взгляд. Он не мог смотреть Наньфэну в глаза. Сердце колотилось в горле от ужаса и отчаяния.

— И это все? — Ин Сыинь лениво откинулся в кресле. — Шэнь Цинхань, ты свел счеты со своим прошлым? Если да, я позову Цзэся, чтобы он проводил гостя.

— Нам больше не о чем говорить.

— Цинхань...

— Замолчи! Ты что, ослеп? — Цинхань сорвался на крик, и голос его задрожал. — Не видишь, в каких я отношениях с Ин Сынем? Я сплю с ним! Понимаешь ты, что значит «сплю»?!

— Пусть так... Но ты все равно мой Цинхань.

— Я — Шэнь Цинхань господина Хоу, и к тебе, Мо Наньфэн, не имею никакого отношения! Проваливай! — он дрожащей рукой указал на дверь. — Он уже разгневан. Я принадлежу ему, и не смей рушить нашу жизнь!

— И... это вся причина?

— Он сильнее тебя.

— Ха-ха-ха! — Ин Сынь разразился довольным смехом. Его явно устроил такой ответ.

Он схватил со стола пустую пиалу и швырнул ее в окно. Раздался треск сломанной ветки, и следом за ворохом листьев на землю с воплем рухнул Гу Цзэсяо.

Ин Сынь вскинул брови:

— Живо сюда.

— Господин Хоу, ну нельзя же просто позвать?! — Цзэсяо, чертыхаясь, поднялся и принялся потирать ушибленный зад. — Вечно вам нужно эти эффектные жесты устраивать. А если бы я шею свернул? Кто бы вас развлекал на старости лет?

— Думаешь, Поместье хоу Цзибэй не прокормит одного калеку?

— Ну вы...

— Собери десяток людей, — оборвал его Ин Сынь. — Проводите этого юношу до самого Линьяня.

Он подошел к кровати, легко подхватил Шэнь Цинханя на руки и пронес его над головой Мо Наньфэна. Прошлой ночью он и впрямь был слишком суров — нужно было показать юношу лекарю.

— Просто доставить? Никакого послания?

— Послания? — Ин Сыинь взглянул на Цинханя, который мертвой хваткой вцепился в его ворот. — Что ж, передай Мо Цинчэню: пусть лучше приглядывает за сыном. В следующий раз я не буду столь милосерден.

Когда они покинули эту душную, пропитанную страданием комнату, Шэнь Цинхань наконец перевел дыхание. Ему казалось, что если он перестанет видеть Наньфэна, то и чувство вины станет тише. Он судорожно выдохнул и прижался лбом к плечу Ин Сыиня.

— А ты быстро учишься. Что, и впрямь меня боишься?

— В Поднебесной каждый знает: спорить с вами — значит звать смерть.

— Ты ведешь себя так только потому, что боишься за своего друга.

—...

— Неважно. Раз ты познал страх, значит, ты еще не безнадежен.

— Куда ты меня несешь?

— К врачу.

<http://bllate.org/book/17523/1658375>